

Алоизас Гудавичюс
(Шяуляй)

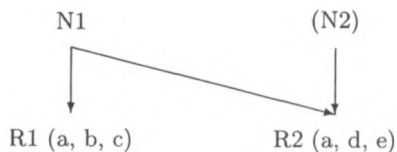
АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ЦЕННОСТЬ МЕТАФОРЫ

W artykule *Aksjologiczna wartość metafory* rozpatrywana jest metafora z punktu widzenia lingwistyki kognitywnej. Kluczowe różnice między nowym a tradycyjnym rozumieniem metafory bazują, według autora, na trzech opozycjach: predykcja : nominacja, konwencjonalność : indywidualizm, strategia myślenia : porównanie. Pojawienie się oceny aksjologicznej w metaforach związane jest z dwoma aspektami: z kierunkiem przeniesienia metaforycznego i z właściwościami tradycji kulturowej. Kierunek przeniesienia metaforycznego pojmowany jest jako relacja między punktem wyjścia metafory a punktem docelowym.

Увеличение внимания к метафоре в течение двух последних десятилетий связано с появлением на лингвистической сцене нового направления — когнитивной лингвистики. Провозгласив метафору основой мышления, универсальным способом ментального представления действительности, когнитивисты однако мало говорят о ее аксиологической функции. Прежде чем обсуждать роль метафоры как способа выражения оценки — отношения человека к явлениям мира, следует вспомнить основные моменты, различающие новое, когнитивное, и традиционное понимание метафоры.

Метафора — предикация versus метафора-номинация.

Традиционно метафора понимается как способ номинации — использование уже существующего слова для обозначения чего-то другого. Основой переноса наименования признается сходство вещей. Схематически:

где N1 — слово, обозначающее предмет R1, используется для обозначения предмета R2 на основании определенного сходства (общего признака а), при этом предмет R2 может иметь свое обозначение N2 (тогда имеем вторичную номинацию), а может и не иметь (первичная номинация). Например, ... *И вымою ноги осине, / Как грешница ноги Христу* (А. Вознесенский) — ногами названы корни осины, та часть дерева, которой оно соприкасается с землей, на основании общего признака 'опора, опираться о землю'. Или: *Kwiaty tańczyły na wietrze* — словом *tańczyły* названо движение цветов на ветру, так как это движение (ритмичное покачивание) похоже на человеческий танец (общий признак — 'покачивание, ритмичность').

Согласно постулатам когнитивной лингвистики, основа метафоры — уподобление ситуаций: некоторая ситуация понимается как аналог другой ситуации, более обычной, известной, данной в чувственном опыте. Схематически:

Новая ситуация А, где X есть Р ситуация А моделируется как ситуация В,
Известная ситуация В, где Y есть R следовательно: X есть Y.

Так понимаемую метафору будем называть концептуальной метафорой, хотя распространено и другое, более узкое понимание этого термина — как метафоры, формирующей концепт, в противовес образной метафоре.

Как могут быть интерпретированы те же самые примеры с позиций концептуальной метафоры? Перед деревом (осиной) автор, осознавая свою вину, никчемность и т.п., хочет совершить акт покаяния, искупления вины, напоминающий омовение грешницей ног Христу. Основой метафорического выражения является допущение ОСИНА ЕСТЬ ЧЕЛОВЕК. Ведь трудно, а при нормальном положении вещей и неразумно, мыслить ноги сами по себе; ноги (которые можно вымыть в знак покаяния, вины и т.п.) есть только у человека. Можно допустить, что метафора ОСИНА ЕСТЬ ЧЕЛОВЕК не вполне осознается автором, что это таится где-то в подсознании, но именно данная предикация — предпосылка метафорического выражения: *и вымою ноги осине*. В другом примере основой метафорического выражения является допущение ЦВЕТЫ ЕСТЬ ЛЮДИ.

Таким образом, метафора понимается не как явление номинации, а как явление предикации — присвоение актантам ситуации А признаков актантов ситуации Б. Согласно П. Рикеру, «метафора прежде всего связана с семантикой предложения и только потом — с семантикой слова. Так как осмысленной метафора становится только в высказывании, она — явление предикации, а не деноминации» (Ricoeur 2000: 63). Такая интерпретация метафоры отражает более глубокую структуру сознания (уровень пропозиции), актуализация которой в речи дает метафорическое выражение — новую номинацию.

Конвенциональность versus индивидуальность.

Традиционно существенными признаками метафоры («поэтической» метафоры) считается ее индивидуальность, неожиданность, случайность, все то, что создает выразительность речи. Однако несмотря на эту индивидуальность метафоры, она прекрасно понимается адресатом речи. Следовательно, в метафоре есть что-то универсальное, общее для всех говорящих. Считая метафору основой концептуализации мира, когнитивисты подчеркивают ее конвенциональный характер — наличие вполне определенных стратегий в представлении одних ситуаций словами, нормально используемыми для описания совсем других ситуаций. Так, для описания негативно оцениваемых ситуаций используются слова, обозначающие направление вниз (*Его авторитет упал*), но не слова со значением удаления (ср. неупотребительность **Его авторитет ушёл, удалился*). Не любая метафора возможна.

Общепринято делить метафоры на языковые, или «мертвые», и речевые, или поэтические, «живые»; правда, по остроумному замечанию Дж. Серля, «мертвыми» они оказались только потому, что выжили. Когнитивисты не видят здесь существенного различия, считая так называемые поэтические метафоры только расширением сферы конвенциональных метафор. Метафора — не особый признак поэтической речи, а особенность языка (и мышления) вообще. Дело только в том, что в поэтической речи в связи с ее эмоционально-экспрессивной функцией метафоры, как и другие особенности языка, получают предельную актуализацию. Следовательно, метафора, будучи одним из способов предикации, является не только признаком текста — составной частью создаваемого текстом смысла, но и признаком языка как системы и, таким образом, составляет часть языковой картины мира.

Метафора-стратегия мышления versus метафора-сравнение.

Основой метафорического переноса наименований считается сходство обозначаемых предметов и явлений. Однако очень часто это сходство трудно увидеть (например, *горячая вода* и *горячее сердце*, *высокий столб* и *высокая мораль*), поэтому говорится о сходстве впечатления, общности функции и т.п. Сторонники концептуальной метафоры ее основой считают не сходство (оно, конечно, может быть), а стратегию мышления: явления одной сферы представлять как явления другой сферы, например, время как движущийся материальный объект, чувства как жидкость и т.д. Обычно новые и более сложные ситуации представляются как известные из предшествующего опыта и более простые ситуации. Денотаты абстрактных концептов не имеют признаков, воспринимаемых органами чувств. Концептуальные метафоры компенсируют этот недостаток абстрактов — абстрактным концептам приписываются конкретные признаки, таким образом, они становятся более ясными, как будто ощутимыми органами чувств.

Оценочная функция метафоры.

На метафору обычно смотрят как на одно из основных стилистических средств выразительности речи. В последнее время в работах этнолингвистического направления (особенно польской этнолингвистической школы) всё чаще говорится об оценивающей функции метафоры. Одновременно с представлением одних (обычно более абстрактных) ситуаций через другие (обычно более конкретные) ситуации дается и оценка последних. Собственно, в метафорических выражениях встречаемся с двойной оценкой: во-первых, оценивается описываемая ситуация — субъект или другие актанты при помощи метафоры описываются как хорошие или плохие, во-вторых (и это главное), как хорошая или плохая представляется исходная (пропозициональная) ситуация, являющаяся основой метафорического выражения. В строчке Александра Блока *Под другими цветешь небесами* актуализирована концептуальная метафора ЛЮБИМАЯ ЭТО ЦВЕТОК. То, что ЛЮБИМАЯ (целевой пункт метафоры) в сознании говорящих имеет положительный оценочный статус, не вызывает сомнений, однако с лингвистической точки зрения важнее то, что положительно оценивается и ЦВЕТОК (исходный пункт метафоры), потому что он приравнивается к ЛЮБИМОЙ.

Выразительность и оценка зависит от характера метафорического выражения. Обычно говорится, что «мертвые» метафоры, как правило, первичные номинации, невыразительны. Однако если их сравнить с описательными обозначениями, придется согласиться, что они актуализируют более яркие представления, вызывают образы, заключающие в се-

бе чувственно воспринимаемые признаки, ср.: *ушко иглы* и *отверстие в одном конце иглы*, *золотое сердце* и *очень доброе сердце* и т.д. Наверное, можно согласиться, что выразительность — одна из основных функций метафоры. Цель метафорических выражений — ярче представить описываемую ситуацию, сказать эффектнее, оказать более сильное воздействие на слушателя, чтобы он не только умом, но и чувственно воспринял передаваемую информацию. Так как метафора — чаще всего необычный, нестандартный способ выражения, то она, как и любое новшество, сильнее возбуждает сознание. Процесс метафоризации подобен механизму моды: только что появившаяся, новая мода выразительна и эффектна, однако повторенная много раз теряет свою новизну, ее экспрессия стирается.

Оценочность можно считать вторичной функцией метафоры, которую имеет далеко не каждое метафорическое выражение. Это относится и к «мертвым» (языковым), и к экспрессивным, поэтическим выражениям (например, аксиологически нерелевантно *быстро бежит время* и приведенный выше пример *и вымою ноги осине*). Определение условий и закономерностей появления оценки — основной вопрос метафорической аксиологии.

Причины появления оценки в метафорах, по нашему мнению, следует искать в направлении метафорического переноса и в особенностях культурной традиции.

Направление метафорического переноса и оценка.

Направление метафорического переноса понимается как соотношение между исходным пунктом метафоры (*source domain*) и целевым пунктом (*target domain*). Направления могут рассматриваться и как тенденции метафоризации.

В свое время С. Ульманн выделил четыре универсальные тенденции метафоризации: так называемый закон Шпербера (наименования из особенно актуальной для определенного времени сферы переносятся в другие области), антропоморфизм, от конкретного к абстрактному и синестезию (Ulmann 1970: 276–280). Среди этих тенденций наибольшая корреляция между метафорой и оценкой видна в области антропоморфизма: «очеловечение» природы или артефактов обычно включает в себе и их оценку. Следует однако заметить, что указанные С. Ульманном тенденции не охватывают всего пространства метафоризации; кроме того, они выделены не по одному основанию.

Известны и другие схемы, иллюстрирующие направление метафоризации. Например, Г. Складяревская на большом материале показывает

генеральное направление метафорических переносов — из более конкретной сферы в более абстрактную (Skliarevskaja 1988: 65).

Приводимые разными авторами схемы и перечисляемые тенденции, как правило, не связываются с оценочной функцией метафоры. Работой, посвященной специально проблематике аксиологии метафоры, является книга Т. Крешовского (Krzeszowski 1997). Автор использует древнюю схему Большой Цепи Бытия (The Great Chain of Being) «Вещи — Растения — Животные — Человек — Бог», по которой выделяет 20 возможных направлений метафоры — от каждого уровня к каждому. При этом направление снизу вверх (от более низкого уровня к более высокому), по его мнению, связано с положительной оценкой, а обратное направление — с отрицательной (*ангельский голос* с плюсом и *собачья доля* с минусом). Следует заметить, что возможных направлений больше, так как метафорический перенос может осуществиться и в пределах того же самого уровня (ср. метафорическое использование слов *комедикант*, *артист*, *философ* и т.п.).

Однозначного соответствия между направлением метафоризации и характером оценки нет. Так, большинство зооморфизмов русского и других языков нашего ареала имеют явно выраженную отрицательную оценку (например, *осёл*, *лиса*, *пиявка* о человеке), однако встречаются зооморфизмы и с положительной оценкой, особенно среди названий птиц (ср. *орёл*, *лебедь*, *щелкатель*); по нашим подсчетам, около 25% зооморфизмов русского языка содержат положительную оценку. Среди других типов антропоцентрических переносов, например, реификации (исходный пункт — предмет), этот процент ниже. Очевидно, можно говорить только о более общей тенденции: направление от человека связано с положительной оценкой, направление на человека — с отрицательной. Эту тенденцию косвенно подтверждают закономерности употребления метафорических выражений в разных функциональных стилях. В поэтических текстах, ориентированных на положительные ценности, основное место занимают антропоморфные метафоры (ср. у Н. Рубцова: *Плачет звезда, холодея, над крышей сарая...; И грустные, грустные птицы/ Кричали в конце сентября*). И наоборот, в сфере бытового общения как будто чаще встречается метафорическое обозначение человека с отрицательной оценкой; исходный пункт таких метафор — наименование предметов, растений, животных и связанных с ними явлений и признаков, ср.: *пила* 'сварливый, придирчивый человек', *пень* 'глупый или бесчувственный человек', *кислятина* 'нудный, скучный или вялый человек'.

Относительность связи между направлением метафорического переноса и характером оценки подтверждается случаями амбивалентности оценки, обусловленной диалектикой мира: тот же самый предмет (исходный пункт метафоры) в зависимости от ситуации может иметь и положительные, и отрицательные признаки, все они могут быть актуализированы в метафорах, например:

Ziemio ojczyzna, ziemio jasna,
Nie będę powalonym drzewem,
Codziennie mocniej w ciebie wrastam
Radością, smutkiem, dumą, gniewem. (Szyborska)

Здесь метафора ЧЕЛОВЕК ЕСТЬ ДЕРЕВО имеет отрицательную оценку в выражении *Nie będę powalonym drzewem* и положительную в *Codziennie mocniej w ciebie wrastam*.

Культурная обусловленность оценки в метафорах.

Проблеме взаимосвязи культуры и языка в современной лингвистике уделяется большое внимание. В задачи этнолингвистики входит не только методологическое освещение этой связи, но и попытка определения корреляций между отдельными явлениями языка и особенностями культуры. Аксиологическая ценность метафоры относится именно к явлениям такого рода. Когнитивисты, видящие в метафоре способ познания мира, подчеркивают ее универсальный характер. Действительно, универсальные закономерности мышления, сходство опыта и сходство ценностных ориентаций является причиной того, что во многих языках можно увидеть аксиологическое тождество тех же самых типов метафорических выражений. Например, направление вниз как исходный пункт метафоры оценивается отрицательно (*впасть в отчаяние, низкий поступок*), направление вверх — положительно (*приподнятое настроение, высокий стиль*), высокая температура — положительно (*горячее сердце*), низкая — отрицательно (*холодный взгляд*), свой — положительно, чужой — отрицательно и т.д. По мнению Т. Кшешовского, универсальный характер оценки обусловлен физическим опытом человека — доконцептуальными представлениями, связанными с положением и движением тела, действиями с предметами, особенностями перцепции. Например, аксиологическая ценность направления вверх обусловлена положением тела человека: нормальное положение тела — вертикальное, здоровый человек идет подняв голову, дети растут вверх и т.д. Универсальность оценки многих метафор может быть объяснена распределением квалификационных признаков на шкале «плюс — минус»: если нормой признается средняя величина, то

превышение нормы будет оцениваться или положительно, или отрицательно. Например, если нормой считается средний рост, то высокий рост будет иметь оценку плюс, а низкий — минус, отсюда и использование этих параметров в метафорах будет связано с положительной или отрицательной оценкой (ср. *высокая мораль* — *низкая мораль*, *высокие баллы* — *низкие баллы* и т.п.).

Однако не следует преувеличивать аксиологическую универсальность. То же самое направление метафоризации в разных языках может быть связано с разной оценкой. Уже упоминалось, что в европейских языках отношение к животному миру негативное. Это можно объяснить земледельческим прошлым индоевропейских народов, для которых мир животных, видимо, не заслуживал положительного отношения. Подобное можно сказать и о животноводческих народах (например, монголах), в языках которых особенно негативно оцениваются хищники. Однако в тюркских языках картина иная. Там явление зооморфизма не является таким обычным, а наименования человека именами животных имеют положительные коннотации. Народы с кочевым прошлым на животный мир смотрят с большим уважением; например, у киргизов волк — хороший, смелый, храбрый, красивый, что совсем не согласуется с европейским образом волка; ср. также зоонимические имена индейских вождей. И наоборот, бионимы в наших языках обычно имеют положительную оценку. В славянских и балтийских языках зафиксирован весьма положительный взгляд на растительный мир.

В одних случаях аксиологическая ценность метафор легко объясняется материальными условиями жизни народа. Например, понятна положительная оценка в метафорических выражениях, исходным пунктом которых является концепт солнца, так как в европейских климатических условиях солнечное тепло не только полезно, но и приятно. В языках Средней Азии жаркое солнце, выжигающее, уничтожающее растительность, конечно, не может иметь положительных ассоциаций. В других же случаях оценка, заключенная в метафорическом выражении, с трудом поддается объяснению. Трудно, например, объяснить, почему в русском языке исходной сферой метафоризации часто бывает звук (*глухая вода*, *глухое место*, *глухое платье*), а во французском — цвет (*une nuit noire*, *page blanche*, *bête noir*, *contes bleus*) (Gak 1977: 196–201); в обоих случаях эти метафоры, как правило, имеют и аксиологическую нагрузку. Именно этот тип метафор наиболее интересен с аксиологической точки зрения, хотя бы потому, что он в наибольшей степени национален.

Библиография

- Gak V., 1977, *Soposatvitel'naja leksikologija*, Moskva.
Krzyszowski T., 1997, *Angels and Devils in Hell*, Gdańsk.
Ricoeur P., 2000, *Interpretacijos teorija*, Vilnius.
Skliarevskaja G., 1988, *Opyt sistemnogo opisaniya jazykovoj metafory v slovare. Nacional'naya specifika jazyka i jego otraženie v normativnom slovare*, Moskva.
Ulmann S., 1970, *Semantičeskie universalii. Novoe v lingvistike*. Vyp. 5, Moskva.

THE AXIOLOGICAL VALUE OF METAPHOR

Metaphor is dealt with from the positions of cognitive linguistics. Key differences between the new and the traditional approach towards metaphor fall under three oppositions: predication versus nomination, conventionality versus individuality, thinking strategy versus comparison. The evaluation in metaphor is not its *conditio sine qua non* but its very frequent aspect that is closely related to the expressive function of the speech act. The appearance of the evaluation in metaphor is being determined by two factors: the direction of metaphor and the cultural tradition. The direction of metaphor is defined by the relation between source domain and target domain. According to direction, the evaluation in most cases takes the anthropocentric direction, i.e. metaphor directed towards a man contains a negative evaluation whilst the reverse direction (source domain — man) — positive evaluation. By its nature metaphor has a universal character, in different languages the types of metaphors coincide, however, and their concrete realisation often depends on culture. Thus, the evaluation of many metaphorical expressions can be difficult to explain by the actual value of these objects, which are the source domain of metaphor.